

УДК 808.2 ББК 81.2Рус-3 DOI 10.25986/IRI.2019.76.2.010

Д. Г. Демидов

Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Тайвань

А. М. Камчатнов

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия alexmk52@gmail.com

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДВУХ МОДЕЛЕЙ ИНФИКСАЛЬНОГО ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА:
ГЛАГОЛЫ НА *-АТЬ* (*-ЯТЬ*) И *-ИВАТЬ*, *-ЫВАТЬ*

В статье обосновано предположение об инфиксальном, а не суффиксальном способе образования глаголов на *-ивать*, *-ывать*, таких как *улавливать*, *спрашивать*, *выбрасывать*, а также предложена гипотеза происхождения этих моделей словообразования в истории русского языка.

Ключевые слова: история русского языка, лексикография, словообразование, словообразовательное отношение, вид, способ глагольного действия, семантика, инфикс, суффикс, синхрония, диахрония

В историческом словообразовании русского языка остается нерешенным вопрос словопроизводства словоформ типа *улавливать*. Он формулируется так: от какого глагола, каким способом и при помощи какого словообразовательного средства был образован этот глагол и сотни ему подобных на *-ивать*? При этом сразу следует отказаться от решения, предлагаемого в словообразовательном словаре современного русского языка, а именно: от глагола *уловить* независимо друг от друга образованы глаголы *уловл-я-ть* и *улавл-ива-ть*¹. Это решение неприемлемо по той причине, что только образование *уловить* > *уловлять* удовлетворяет требованиям исторической фонетики русского языка, тогда как образование *уловить* > *улавливать* необъяснимо исторически, так как, в частности, встречает непреодолимые морфонологические трудности: в этом случае нет условий для появления чередования *в/вл*. Такие условия появляются, если принять во внимание еще один член словообразовательной цепи: *уловить* > *улавлять* > *улавливать*. Однако тут возникает новый вопрос: как объяснить «исчезновение» суффикса *-а-* (орфографически — *-я-*); почему есть глагол *улавл-ива-ть* вместо, казалось бы, закономерного **уловл-я-ива-ть*? Кроме того, с синхронных позиций остаются никак не объясненными ни изменение качества гласного корня (*о/а*), ни перенос ударения с суффикса на корень. Сразу оговоримся, что авторы статьи категорически не приемлют такого понятия, как усечение основы — этой «палочки-выручалочки» специалистов по синхронному словообразованию, ибо в истории языка усечения основ никогда не было.

Представляется очевидной мысль о том, что формальное словообразование неотделимо от семантики рассматриваемых глаголов, ибо в истории языка не столько форма выражает смысл, сколько смысл оформляется, то есть находит себе воплощение, в звуках и формах: «Зажегся смысл — и родилось слово, вот и все» [Булгаков, с. 3]. Как показывает история отечественного языкознания, русских языковедов в первую очередь интересовали семантические проблемы русского глагола, а формальная сторона отходила

¹ См.: Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Изд. 3-е. М., 2003. Т. 1. С. 555.

на второй план. Поэтому и нам целесообразно сначала обратиться к изучению опыта предшественников, размышлявших о семантике русского глагола, чтобы затем в свете этого опыта попытаться решить и формально-словообразовательные вопросы, о которых говорилось выше.

Важнейшим событием истории русского глагола является возникновение категории глагольного вида, которая привела к коренной перестройке временной системы. Однако теоретическое осознание новой языковой реальности произошло далеко не сразу. Так, М. В. Ломоносов описывал глагол как систему из десяти временных форм (см.: [Ломоносов, § 263]). В дальнейшем русские языковеды начали преодолевать эту славяно-латинскую в своей основе систему, во-первых, уменьшая количество временных форм глагола и, во-вторых, увеличивая число его «видов».

Основоположником современного учения о видах глагола можно считать А. А. Потебню. Рассматривая труды своих предшественников — С. Н. Шафранова, А. В. Болдырева, К. С. Аксакова, Н. П. Некрасова, А. Ф. Гильфердинга и в особенности Г. П. Павского, А. А. Потебня увидел в них один общий недостаток, а именно смешение понятий совершенности/несовершенности и степеней длительности действия: «Мы утверждаем, что совершенность и несовершенность, с одной стороны, и степени длительности — с другой, не составляют одного ряда (continuum), но относятся друг к другу как два различных порядка наслоений в языке» [Потебня, с. 35]. Именно на этом размежевании «двух различных порядков наслоений» и покоится современная теория видов, отличная от теории качественно-количественных характеристик способов глагольного действия. Это значит, что одну и ту же совокупность образованных от одной основы глаголов можно описать и в терминах категории вида, и в терминах способа глагольного действия.

Так, упомянутая группа глаголов *ловить* — *уловить* — *улавлять* — *улавливать* на языке категории вида представляет собой цепочку НСВ → СВ → НСВ → НСВ. Наиболее проблематичной в этой цепочке словопроизводства является образование глагола НСВ *улавливать* от глагола НСВ *улавлять*.

Та же группа в терминах способов глагольного действия выглядит иначе (воспользуемся в данном случае терминами А. А. Потебни): конкретно-длительное действие (*ловить*) → результативное действие (*уловить*) → отвлеченно-длительное действие (*улавлять*) → отвлеченно-длительное действие (*улавливать*). В этой цепочке также наиболее проблематичным оказывается производство одного отвлеченно-длительного глагола от другого отвлеченно-длительного.

Решение обеих проблем находится в истории языка. Из слов А. А. Потебни о «двух различных порядках наслоений» вытекает такой вопрос: что на что наслаивается? Иначе говоря, что было исторически первичным, а что вторичным: видовые корреляции наслаиваются на корреляции по способу действия или наоборот? В. В. Виноградов, анализируя взгляды А. А. Потебни, указывает, что «образование разных степеней длительности предшествовало возникновению категорий совершенности и несовершенности» [Виноградов, с. 401]. Изначально «совершенство и несовершенство вовсе не обозначались, как теперь, например, в немецком, в котором “das werde ich tun” значит и “буду делать” и “сделаю”» [Потебня, с. 25]. Стало быть, категория вида возникла на основе более ранней качественно-количественной характеристики способа действия. А. А. Потебня приводит такой пример: «Действие, обозначенное глаголом *нести*, *несу*, есть то, которое выделяется мыслью непосредственно из чувственного воззрения, между тем как формы *носить*, *нашивать*, если устраним различие в их значении, имеют то общее, что обозначает действие, как продукт большого отвлечения. Чтобы употребить выражение *ношу* в обыкновенном его смысле, нужно обнять несколько моментальных действий, порознь добытых из чувственного воззрения, и представлять эти действия одним протяжением. Из этого уже видно, что язык, прибавляя к формам, как *нести*, такие, как *носить*, *нашивать*, между прочим, стремится к своеобразной отвлеченности мысли» [Потебня, с. 51].

Вооружившись этими воззрениями, вернемся к нашему материалу, используя в качестве источников исторические словари русского языка и данные Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ).

Глагол *ловить*, по данным Словаря русского языка XI–XVII в. (далее — СлРЯ XI–XVII в.), известен в литературном употреблении с 1057 г.²; глагол *уловить* — также с XI в., глагол *улавлять* — с 1073 г.³ Таким образом, в древнерусском языке изначально существовала «классическая» триада глаголов, выражавших основные способы действия: конкретно-длительное — результативное — отвлеченно-длительное. В XIX в.

² СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 267.

³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка. Т. III. СПб., 1912. Стлб. 1197, 1194.

появляется новый отвлеченно-длительный глагол *улавливать*, который вытесняет из употребления своего «родителя»: по данным НКРЯ, с 1718 г. по настоящее время глагол *улавлять* (после орфографического выравнивания — также *уловлять*) был употреблен всего 156 раз, тогда как глагол *улавливать*, впервые встретившийся в 1852 г., с этого момента и по настоящее время использован 1703 раза.

Более показателен случай с глаголом 4-го класса *просить*. Классическую триаду образуют глаголы *просить* — *спросить* — *спрашать*. Глагол *спросить*, по данным СЛРЯ XI—XVII в.⁴, известен с XIV в., однако ясно, что он существовал еще в дописьменную эпоху, поскольку только от него мог быть образован глагол *спрашать*, известный с 1073 г.; глагол *спрошать*, известный с XVI в., по данным НКРЯ, с 1750 по 1874 г. был употреблен всего 11 раз, будучи вытеснен глаголом *спрашивать*, известным с XVI в. и с 1682 г. по настоящее время употребленным 61260 раз.

Таким образом, триады *ловить* — *уловить* — *улавлять* и *просить* — *спросить* — *спрашать* заменились триадами *ловить* — *уловить* — *улавливать* и *просить* — *спросить* — *спрашивать*; при этом необходимо заметить, что глаголы *уловить*, *улавливать* и *спросить*, *спрашивать* не связаны отношениями словопроизводства — тут действуют другие правила, о которых мы будем говорить ниже, сейчас же остановимся на вопросе о том, что послужило причиной замены одной триады другой.

Такой причиной могло послужить аналогическое воздействие триад глаголов 3-го класса. Глаголы *ковать* — *заковать* — *заковывать* образуют классическую триаду конкретно-длительного — результативного — отвлеченно-длительного способов действия. Столь же классической является триада глаголов *писать* — *списать* — *списывать*, *читать* — *прочитать* — *прочитывать* и под. К этим глаголам надо добавить еще глаголы 4-го класса с суффиксом *-ĕ- > -ль-, которые также образуют триаду: *смотреть* — *рассмотреть* — *рассматривать*, *глядеть* — *подглядеть* — *подглядывать*. Лексическая семантика глаголов может оказывать сопротивление образованию триад.

Если глагол *улавливать* образован от глагола *улавлять*, то как объяснить «исчезновение» суффикса *-а-?*

В праславянском языке суфф. *-ā- имел значение отвлеченно-длительного способа действия: сравним *let-ē-ti и *lēt-ā-ti и заметим, что значение неопределенного отвлеченно-длительного способа действия выражается не только суффиксом, но и продлением гласного корня: «Суффикс *-а- заключается в обычных славянских образованиях многократного вида с долгой корневой гласной: др.-сл.- гнѣгати 'давить' при гнетѣ» [Мейе, с. 225]. См. еще *умьру* — *умирати*, *убьрати* — *убирати* и под. Этот суффикс образовал основы форм аориста, причастий прошедшего времени и инфинитива.

В историческую эпоху с этим суффиксом сблизился и функционально с ним объединился другой суффикс *-а-*, возникший после переразложения в формах имперфекта. Например, **пин-а-хъ**,

пин-а-ше (при инф. **пати**) — это формы древнерусского имперфекта, в которых изначально значение отвлеченно-длительного способа действия выражалось долготой корневого гласного: *rinaachъ > **пинахъ**. В связи с развитием категории вида имперфект как таковой утрачивается, а в его основе происходит переразложение⁵: **пин-ахъ** > **пина-хъ**; основа **пина-** переосмысливается как основа, суффикс которой *-а-* также выражает значение отвлеченно-длительного способа действия; к этой основе присоединяется регулярный суффикс основы настоящего времени 3-го класса **je/*jo*: так возникают новые формы презенса **пинаю**, *-еши* с инфинитивом **пинати**; к этой же новой основе **пина-** присоединяется суффикс элевого причастия **пина-лъ**. Теперь суффикс *-а-* представлен уже не только в формах прошедшего, но и в формах настоящего времени.

Алломорфом суффикса *-а-* является суффикс *-ва-*, происхождение которого не вполне ясно. В науке было предложено три версии.

1) Суффикс *-ва-* возник вследствие **переразложения** в глаголах *бывать*, *давать*. Изложение этой точки зрения находим в статье В. Р. Шмальштига [Schmalstieg]. В случае с **бывати** и **мывати** мы имеем дело с итеративно-дуративными формами глагола, которые вполне можно считать подобными морфологическим формам других итеративно-дуративных глаголов, таких как **у-мирати**, **на-рицати**, **при-зывать** и т. д., то есть с продленной ступенью корневого гласного глаголов с суффиксом *-а-*. В этих

⁴ См.: СЛРЯ XI—XVII вв. Вып. 27. М., 2006. С. 91, 87, 93, 88.

⁵ Переразложение это необычно. В именах и личных формах настоящего и простого будущего времени оно, как правило, происходит в пользу окончания: *столо-мь* > *стол-ом*, *пъне-тъ* > *пн-ѣт*, здесь же переразложение происходит в пользу основы, так что складывается новая основа неопределенных глаголов.

случаях продление корневого гласного, по всей вероятности, является полностью аналогичным в славянском языке таким словам, как **у-мирати**, в котором *-и-* является продленной ступенью **-ī-*, восходящего к сочетанию **-īr-* из и.-е. **r̥*.

В глаголах типа **бывати** мы можем представить такие последовательные стадии:

(1) **bhuH+C*

(2) **bū+C*

Вокальный

Консонантный

суффикс

суффикс

(3a) **bъv+a*

(3b) **bū+tei*

(4a) *быв+a*

(4b) *бы+ти*

От ступени (1) к ступени (2) В. Р. Шмальштиг предполагает фонологический переход, то есть продление гласного после утраты ларингала. Когда /ū/ оказывается перед вокальным суффиксом, он приобретает вид *-ъv-*, что мы видим на ступени (3a). В общем, ступени (3a) и (3b) — одновременны; это же верно и для ступеней (4a) и (4b). Переход от (3b) к (4b) приносит ожидаемый фонологический результат, но и переход от (3a) к (4a) аналогичен, то есть продление корневого гласного *ъ > ы* оказывается морфологическим маркером итеративности-дуративности глаголов.

Начиная с этого случая установившегося чередования между **(за)быти** и **(за)бывати** носители праславянского видят здесь суффикс *-ва* вместо *-а-*.

Второй источник суффикса *-ва-* — неапофоническое чередование с фонемой /o/ в индоевропейском. Это чередование имеет источником различные рефлексы сочетания **-eHw:* /o/ перед согласным, *aw* перед гласным. В терминах компонентного анализа ларингал /Hw/ оставляет след в виде лабиализации в фонеме /ō/ и в фонеме /v/ в *-āw*. В обоих случаях предшествующий гласный был продленным и ларингал терял свою фонематическую сущность.

Можно предполагать, что старославянский глагол **давати** происходит из индоевропейского корня **deHw*. Когда к нему присоединялся консонантный суффикс, мы имели **dō-C* как закономерный фонологический результат; когда же присоединялся вокальный суффикс, возникало **dāv-V*. На данном этапе чередование фонемы /ō/ с сочетанием *-aw-* могло восприниматься как позиционно обусловленное. Однако позже, когда фонемы **/ā/* и **/ō/* совпали в славянской фонеме /a/, возникла морфологическая оппозиция **дати** : **давати** и в морфемном отношении слова стали члениться так: **да+ти** и **да+ва+ти**.

Эти периоды можно выразить в такой схеме:

Вокальный

Консонантный

суффикс

суффикс

(1) **deHw-eH*

*deHw-tei

(2) **dāv-ā*

*dō-tei

(3) *dāv-ā (dā-vā)*

dā-ti

После переразложения **бы-ва-ти**, **да-ва-ти**, сопровождавшегося продлением корневого гласного как маркера дуративности-итеративности, суффикс *-ва-* по аналогии стал действовать при образовании дуративов от основ на гласный: **дѣ-ва-ти**, **(в)ста-ва-ти**, **(за)ду-ва-ти** и пр., тогда как от основ на согласный в такой функции стал использоваться суффикс *-а-*: **пад-а-ти**, **зѣв-а-ти**, **плев-а-ти** и пр. Таким образом, имеет место дополнительное распределение алломорфов *-а-* и *-ва-*.

2) Суффикс *-ва-* возник вследствие **опрощения** из «суммы» двух суффиксов: причастия — *-в-*⁶ и дуратива — *-а-*: **да-ти**, **да-в-ъ** > **да-в-а-ти** → **да-ва-ти**. Сильная сторона этой гипотезы в том, что этот процесс захватывает все глаголы с основой на гласный, но в этом же заключается и ее уязвимость: согласно этой версии, словообразование, например, от глагола *бити* шло так: **би-ти** > **би-в-ъ** > **би-в-а-ти** > **в-би-ва-ти**, **вы-би-ва-ти**, **раз-би-ва-ти**, **у-би-ва-ти** и другие приставочные. Однако тут часто бывает хронологическая нестыковка. Так, ожидаемый бесприставочный итератив **кывати* в текстах отсутствует, а известны лишь производные от приставочных глаголов типа *раскрыть* > *раскрывать*; поэтому логичнее видеть здесь другую словообразовательную модель: *крыть* > *раскрыть* > *раскрывать* с тем самым суффиксом *-ва-*, который происходит из *бы-ва-ти*. Новые элевые формы многократного

⁶ «Предположение о связи элемента *-v-* с суффиксом действ-ного прич. прош. **-uōs-* см. А. Vammesberger “Language” 50, 1974, 692» (Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1976. Вып. 3 / Под ред. О. Н. Трубачева. С. 158).

давнопрошедшего действия типа *кры-ва-л-ъ* появляются после приставочных. Причастия *крывъ, раскрывъ* в эпоху сложившихся парадигматических отношений в составе единого глагольного слова уже не были способны стать производящими для итеративов *крывать, раскрывать*. В связи с этим приставочные производные и формы нового русского давнопрошедшего (типа *живалъ, кривалъ*) не могут объяснить происхождения суффикса *-ва-* и доказательной силы не имеют. И в тех, и в других формах действует готовый, уже сложившийся суффикс *-ва-*.

3) Звук *-в-*, согласно точке зрения О. Н. Трубачева, является чисто фонетической протезой⁷, то есть «играет роль элемента, устраняющего зияние (**by-ati*), и к корню не относится (в противном случае ожидалось бы *-y- > ъv* в гетеросиллабической позиции)». По мнению О. Н. Трубачева, «вряд ли верно считать **byvati* удлинением закономерного **bъv-* в глаголе на *-ati*»⁸, как полагал В. Р. Шмалыштин (см. выше п. 1).

Как бы то ни было, суффикс *-ва-* получил значение отвлеченно-длительного способа действия в глаголах с основой на гласный: *дъ-тъ > дъ-ва-тъ, би-тъ > би-ва-тъ, претерп-нъ-тъ > претерп-нъ-ва-тъ*, ст.-сл. *коньч-а-ти > коньч-а-ва-ти, откры-тъ > откры-ва-тъ, обезльс-и-тъ — обезльс-и-ва-тъ*; в последнем случае последовательно действуют два суффикса: *-и-* и *-ва-*. Как мы полагаем, дальнейший процесс переразложения идет все так же в пользу морфемы справа, в нашем случае — в пользу суффикса: *бы-ва-тъ > б-ыва-тъ, би-ва-тъ > б-ива-тъ, откры-ва-тъ > откр-ыва-тъ*.

Есть соблазн считать, что глаголы НСВ образуются от приставочных глаголов СВ при помощи суффиксов *-ва-* или *-ива-/-ыва-*. Именно это утверждает В. В. Виноградов: «В современном языке живым и продуктивным является способ образования форм несовершенного вида от предложных (или приставочных) глаголов совершенного вида с помощью суффикса *-ыва-*, *-ива-* (при соответствующем чередовании согласных основы), например: *выкрасить — выкрашивать; закрутить — закручивать; расцветить — расцветивать; накосить — накашивать* и т. п. Процесс образования этих форм обычно сопровождается изменением звука *о* основы в *а* (“внутренняя флексия”), например: *приготовить — приготавливать; обусловить — обуславливать; вздрогнуть — вздрагивать; задобрить — задабривать; заготовить — заготавливать; успокоить — успокаивать; оспорить — оспаривать; облагородить — облагораживать; выработать — выработывать; заподозрить — заподозривать* и т. п.» [Виноградов, с. 417]. В последнем примере вторичный аналогический характер изменения *о > а* особенно ясен, так как происходит не в корне, а в приставке.

Слова о «соответствующем чередовании согласных основы», при допущении непосредственного образования глаголов НСВ от приставочных глаголов СВ, противоречат законам исторической фонетики русского языка, так как нет условия для чередований *с//ш, т//ч, д//ж, в//вл*. Если бы это было так, то существовали бы глаголы **уловивать, *запросивать, *укоротивать*, но таких глаголов нет. Глаголы с рефлексом *j*-ового смягчения типа *улавливать, запрашивать, укорачивать* показывают, что модель была другой — от глаголов *улавлять, запрашивать, укорачивать*. Таким же путем образовались и глаголы с корнями на сонанты, хотя рефлекс сочетаний с йотом в них неотличимы от вторично смягченных помягких: *засалить — засаливать, завалить — заваливать, отмерять — отмеривать*.

Для объяснения того, как образован глагол *улавливать* и ему подобные, можно предложить две гипотезы.

а) Аналогическое воздействие глаголов типа *бивати*, в которых произошло переразложение в пользу суффикса: *би-ва-ти > б-ива-ти*. Так объясняет происхождение суффикса *-ива-* (и, соответственно, *-ыва-* при переразложении типа *быть > бывать*) П. С. Кузнецов: «Рассматривая историю грамматического вида на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками, необходимо обратить внимание на развитие одного нового образования, также относящегося к области видов, но занимающего подчиненное положение по отношению к основному противопоставлению совершенного и несовершенного видов. Именно уже на протяжении этих эпох получают широкое распространение т. н. многократные основы с суффиксом *-ива-*, *-ыва-*, выражающие повторяемость действия и представляющие собой известную разновидность несовершенного вида. Исходную точку для этого суффикса образует глагол *бывати* со старым суффиксом *-ва-*, имевшим также и итеративное значение (т. е. значение повторения

⁷ Об эвфонической природе *v* писал уже М. Н. Катков; цитату из его книги «Об элементах и формах...» (с. 200–201) см. ниже.

⁸ Этимологический словарь славянских языков. Вып. 3. С. 158.

действия). В результате переразложения *у* (*ы*), принадлежавшее первоначально корню вспомогательного глагола (ср. *быти*), было отнесено к суффиксу и распространено затем на другие глаголы, причем гласный этот являлся в виде *у* (*ы*), если следовал за твердым согласным, *и*, если следовал за мягким согласным (ср. современное *подбрасывать* — *подсматривать*)» [Кузнецов, с. 261–262].

Развивая эту мысль, О. Г. Щеглова пишет: «Суф. *-ива-/-ыва-* очень быстро получил широкое распространение, так как он удовлетворял всем сформулированным выше условиям. Его неоднородность обеспечила ему высокую информативность, четкость и простоту строения, а также возможность выступать во всей глагольной парадигме в непреработанном виде. Это обстоятельство обусловило и универсальность его применения: он присоединялся к глагольным основам любого строения. Наконец, само его возникновение как специализированного средства имперфективации обеспечило ему монофункциональность, по крайней мере на первых порах его развития» [Щеглова, с. 174].

Эта версия объясняет происхождение суффиксов *-ива-* и *-ыва-*, но не объясняет, куда исчез суффикс *-а-* (*я*) в *уловл-я-*, *раскид-а-* (при образовании *раскидывать*), *-е-* в *подгляд-е-* (при образовании *подглядывать*), *-и-* в *подброс-и-* (при образовании *подбрасывать*), если только не использовать отвергнутую нами версию усечения основы.

б) С появлением суффикса *-ива-* возникла синонимия старых глаголов типа *улавляти* и новых типа *улавливати* и, соответственно, их конкуренция. «В ст.-рус. период (XVI–XVII вв.) суф. *-ива-* входит в “стадию максимальной продуктивности”, что поставило его в центр развивавшейся видовой системы. Для функционирования суф. *-ива-* в этот период характерно общее расширение сферы действия: суффикс *-ива-* проникает в основы, которые не были охвачены ранее существовавшими суффиксами по морфонологическим причинам, а также в те области, которые обслуживались этими более древними суффиксами. Применительно к этой эпохе можно говорить о том, что образование слов с данным суффиксом становится грамматикализованным процессом, т. е. имперфектив на *-ива-* мог быть образован в это время практически от любого глагола. Таким образом, суф. *-ива-* становится регулярным грамматическим средством имперфективации» [Щеглова, с. 175]. Старые глаголы с суффиксом *-я(-а-)* вытесняются новыми на *-ива-*, но этот процесс не дошел до конца; более того, старые глаголы вытеснили из нормативного русского литературного употребления возникшие было новые глаголы, такие как *възбранивати*, *исправливати*, *поостривати*, вместо которых продолжают употребляться старые глаголы *возбранять*, *исправлять*, *поощрять* и т. п. На основании этого факта О. Г. Щеглова делает резонный вывод: «То обстоятельство, что норма литературного языка... сохранила старые образования и отбросила возникшие было варианты на *-ива-*, в современном русском литературном языке лишило этот суффикс регулярности, а вместе с тем и статуса грамматического средства имперфективации. Тем самым была пресечена тенденция к становлению категории вида в русском языке как словоизменительной, поскольку в современном русском языке выбор той или иной модели имперфективации осуществляется не на грамматическом, а на лексическом уровне» [Щеглова, с. 175].

Таким образом, оппозиция глаголов на *-ять* — *-ивать* носит не грамматический, а лексико-словообразовательный характер. Что касается лексики, то еще П. Я. Черных отметил, что глаголы с суффиксом *-ива-* — это «особенность народного русского языка. Старославянскому и, следовательно, книжному древнерусскому языку они совершенно чужды» [Черных, с. 273]. Напротив, в народных говорах, особенно северно-великорусских, они употребляются несравненно шире, чем в литературном языке; П. Я. Черных приводит такие приставочные и бесприставочные примеры, как *купливать*, *сказывливать*, *доставливать*⁹. Это значит, что литературному языку как сложноорганизованной стилистической системе было важно сохранить те смысловые и стилистические оттенки, которые несли славянизмы с суффиксом *-я(-а-)*, такие как *укрощать* (русс. *укорачивать*), *возвращать*, *возмущать*, *запрещать*, *защищать*, *обещать*, *обобщать*, *ощущать*, *посвящать*, *посещать*, *наградить*, *освободить*, *побеждать*, *подтверждать*, *убеждать*, *утверждать*.

Зато есть множество русизмов с чередованиями *т//ч* и *д//ж* и суффиксом *-ива-*: *оборачивать*, *высвечивать*, *укорачивать*, *зарешечивать*, *ввинчивать*, *прочерчивать*, *откручивать*, *вышучивать*, *выпровоаживать* (ср. *сопровождать*), *изгаживать*, *наглаживать*, *омолаживать*, *облагораживать*, *всаживать*, *обхаживать*, *обезвредить*, *выцеживать*, *обнадеживать*, *выезживать*, *высиживать*, *затверживать*, *подзуживать*, *обезоруживать*, *подсуживать*, *застуживать*, *перереживать* и др.

⁹ То же самое касается глаголов на *-ывать*: *посылывать*, *бирывать*, *умирывать*, *торговать*.

Следовательно, пары словообразовательных синонимов типа *уловлять* > *улавливать* — это не умозрительная схема, а реальный факт исторической лексикологии. В результате конкуренции словообразовательных синонимов промежуточное звено словообразовательной цепи может выпасть. В нашем случае это глаголы на -ять. Это налагает особые обязательства на исследователя — необходимость сделать вывод о механизме этого процесса. Оба глагола, и производящий, и производный, имеют тождественное морфологическое оформление: -ять, -яю, -яешь. Словообразовательный акт не меняет внешнего оформления. **Приходится поэтому усматривать в таких случаях действие особой морфемы -ив-, которая вычленяется путем процесса, противоположного опрощению, а именно расщепления сложного опрощенного суффикса -ива- на инфикс -ив- и суффикс -а-; причем следствием этого оказывается новый морфемный шов: ...и-+-ва- > -ива- > -ив-+-а-.** Такое образование инфикса подтверждает высказанное еще Ф. Ф. Фортунатовым общетеоретическое положение о том, что «инфиксы вообще являлись лишь в словах, уже имевших формы, образовавшиеся другими аффиксами, и возникали из других аффиксов» [Фортунатов, с. 151].

Сопоставление глаголов *улавлять* — *улавливать* показывает, что значение отвлеченно-длительного способа действия в глаголе *улавлять* сильно ослаблено или даже стерто, поэтому возникает новое средство восстановления и интенсификации значения отвлеченно-длительного способа действия при помощи инфикса -ив-.

Здесь, думается, будет уместно вспомнить о полузабытой идее М. Н. Каткова «о звуковом “символизме” видов русского глагола, о соответствии между расширенной формой глагола и “расширенным кругом самого действия”» [Виноградов, с. 399]: «Дѣйствіе *ощутимое* (опредѣленное) любить форму краткую, спряженіе быстрое, и потому глаголь для его означенія сокращаетъ свою этимологическую форму; на оборотъ, для означенія дѣйствія мысленнаго (неопредѣленнаго) глаголь расширяетъ свою форму и переходитъ въ классъ, гдѣ образовательный характеръ сильнѣе. Этотъ оригинальный символизмъ проходитъ черезъ всю систему глаголовъ и пользуется всѣми возможными средствами» [Катков, с. 198]. «Для выраженія отдаленности или давности дѣйствія языкъ прибѣгаетъ къ характеру *a* (*ae*), самому сильному, — и приставляетъ его вновь къ характеру даннаго глагола, такъ что образованіе выходитъ двойное. Глагол *дать*, распространяясь, принимаетъ *a* — выходитъ *даять* и *давать* (эвфонич. вместо *да-ать*), расширяясь далѣе, для означенія дѣйствія давняго, онъ принимаетъ снова характеръ *a*, и выходитъ форма *давывалѣ* (= *давалалѣ*); *былѣ*, *бывалѣ*, *бывывалѣ*. Въ Чешскомъ языкѣ ощущается иногда потребность новаго усиленія, и еще разъ принимается *a*; отсюда возможна не только форма *bywawal*, соответствующая нашей *бывывалѣ*, но и болѣе распространенная форма *bywawawal*.

Въ подобныхъ формахъ новый вѣсъ сообщается глаголу продолженіемъ кореннаго слога, т. е. переходомъ ударенія съ конца къ началу. Недовольствуясь этимъ, гений языка для усугубленія вѣса глагола измѣняетъ коренную гласную *o* на сильнѣйшую *a*. *Ходить* — *хаживалѣ*, *носить* — *нашивалѣ*» [Катков, с. 200–201].

Мысль об усиленном характере длительности глаголов на -ивать и -ывать затем неоднократно подчеркивалась в русской научной литературе К. С. Аксаковым, Г. П. Павским, Н. П. Некрасовым, А. А. Потебней; А. А. Шахматов удачно назвал это свойство глаголов на -ивать «интенсивной длительностью» [Виноградов, с. 417].

Инфикс -ив- есть тот элемент, который «усиливает вес» суффикса -а-, благодаря ему суффикс -а- как бы обретает «вторую молодость», то есть значение интенсивного отвлеченно-длительного способа действия. Если обратиться к примерам из НКРЯ, то можно заметить, как суффикс -а- в глаголе *улавлять* (*уловлять*) теряет былое значение отвлеченно-длительного способа действия и тот становится глаголом с конкретно-длительным значением.

«Оправдание фарисейское, еже есть видом святости чванится, лицемерием *уловляти* очеса человеческая» [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово о власти и чести царской... (1718)].

«Кто все обѣщаетъ тотъ ничего не даетъ, а обѣты глупыхъ *уловляютъ*» [С. С. Волчков. Придворной чловѣкъ [перевод книги Грациана с французского] (1742)].

«При сем примечать должно, что хотя богатство и достаток всегда бывают источником достоинств и чинов, однако они не с равномерным успехом действуют во всех веках и у всех народов, поелику не всякое богатство не всяких людей *уловляет* сердца» [С. Е. Десницкий. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции (1768)].

Из этих примеров ясно видно, что глагол *улавлять* не имеет значения интенсивно-длительного способа действия, но обозначает только действие простое. Этому часто помогает возврат к корневому гласному *о*, однако исконный вариант с корневым *а* устойчиво сохраняется и в наши дни, например:

«В книжке написано так: для начала нужно выставить ток (рекомендуют 0,1 от ёмкости АКБ), далее по мере зарядки автоматика сама **улавляет** ток, и как напряжение достигнет 15 В, автоматика убавляет ток, начало уменьшения силы выставленного тока говорит о достижении батареей 75–95 % заряда» (<http://www.lkforum.ru/showthread.php?t=14639&page=411>. Дата обращения – 07.08.2018);

«*Федька*: Нахожусь в деревне, так скать в гуще народной жизни, интернет тут плохо фурычит, токмо въ подпечье волну **улавляет** гад!» (<http://war.staroveru.unoforum.pro/?1-11-0-00000047-000-0-0>. Дата обращения – 07.08.2018).

Таким образом, суффикс *-а-* никуда не исчезал, он остался на прежнем месте с прежним значением, но увеличил свой «символический вес» благодаря инфиксу *-ив-*. Отвечая на поставленный в начале статьи вопрос, можно сказать, что глагол *улавливать* образован от глагола *улавлять* **инфиксальным способом**; семантическое отношение между производящим и производным глаголами можно описать как «нейтрально-длительный – интенсивно-длительный» способы действия.

Однако этот ответ еще не решает всех проблем. Если глаголы *ловить* – *уловить* – *улавлять* (*уловлять*) – *улавливать* являются исторически достоверными фактами языка, зафиксированными в письменных источниках, то как решать вопрос о происхождении глаголов типа *вылавливать*, *налавливать*, *подлавливать*, *перелавливать* при отсутствии реальных производящих **вылавлять*, **налавлять*, **подлавлять*, **перелавлять*?

Как нам представляется, есть два возможных решения.

1) Так как новые производные типа *отлавливать*, *откармливать* и другие подобные уже не имеют реальных производящих звеньев типа **отлавлять*, **откармлять*, то словообразовательным средством выступает суффикс *-ива-*, а производящими основами выступают формы 1-го лица настоящего времени *отловл-*, *откормл-* с их морфонологической особенностью *в//вл*, *м//мл*, в которых, кроме того, происходит «символическое увеличение веса» за счет более «тяжелой» гласной */а/* в корне.

2) Второе решение основывается на гумбольдтовской идее языковой панхронии, согласно которой язык дан весь и сразу: «Чтобы человек мог постичь хотя бы одно слово не просто как чувственное побуждение, а как членораздельный звук, обозначающий понятие, весь язык полностью и во всех своих взаимосвязях уже должен быть заложен в нем. В языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого. Каким бы естественным ни казалось предположение о постепенном образовании языков, они могли возникнуть лишь сразу» [Гумбольдт, с. 312–313]. Однако весь и сразу язык дан лишь в возможности, то есть в панхронической потенциальности языка существует полная триада словообразовательных отношений */откормить > откармлять > откармливать/*, но в историческом воплощении существуют лишь крайние члены этой триады, что обусловлено потребностями мысли и общения.

Принято считать, что в современном русском языке морфы *-ива-* и *-ыва-* представляют собой одну морфему, то есть вступают в отношения дополнительного морфонологического распределения. Но с диахронической точки зрения между ними имеется существенное различие. Если инфикс *-ив-* был средством усиления длительного способа действия, оставляя глагол в области НСВ, то инфикс *-ыв-* имеет собственно видовое значение НСВ и непосредственно образует имперфективные члены в видовых парах типа *раскид-а-ть* : *раскид-ыв-а-ть*, *рассказ-а-ть* : *рассказ-ыв-а-ть*. Это и послужило тому, что такие готовые пары стали источником аналогии для пар с *-ива-* типа *отловить* : *отлавливать* – уже без среднего звена **отлавлять*. В случае если соотносимыми по виду оказываются глаголы не на *-ать*, действует полный опрошенный суффикс *-ыва-*, как в парах *подгляд-е-ть* : *подгляд-ыва-ть*, *подброс-и-ть* : *подброс-ыва-ть*. Производящими основами в этих случаях являются основы настоящего времени не 1-го лица, то есть основы типа *подгляд(ит)* и *подброс(ит)*.

Итак, наиболее вероятная гипотеза происхождения глагольного суффикса *-ва-* сводится к переразложению корней в глаголах с основой на гласный *быв-а-ти*, *дав-а-ти* в пользу суффиксов: *бы-ва-ти*, *да-ва-ти*. Дальнейший процесс переразложения привел к сложным суффиксам с двумя гласными: *бы-ва-ти* > *б-ыва-ти*, *би-ва-ти* > *б-ива-ти*. При производящих глаголах не на *-ать* действует основа настоящего времени не 1-го лица, а формантом выступает полный суффикс *-ыва-*: *подглядеть*, *подгляд-ит* > *подгляд-ыва-ет*.

При производящих глаголах со значением предельного способа действия на *-ать* выделяется особый инфикс *-ыв-* со значением многократности: *раскидать* > *раскид-ыв-ать*. Эта словообразовательная модель аналогически повлияла на более сложную судьбу глаголов на *-ивать*. Они, как правило, образованы с помощью инфикса *-ив-* от глаголов отвлеченно-длительного способа действия на *-ять*, которые, в свою очередь, образованы от приставочных глаголов IV класса со значением результативного способа действия; этим объясняется йотовое смягчение; кроме того, значение интенсивно-длительного способа действия выражается продлением корневого гласного: *уловить* > *улавлять* > *улавл-ив-ать*.

Перспективным направлением дальнейших исследований в данной области является рассмотрение частных случаев словообразования глаголов с инфиксами *-ив-* и *-ыв-* и суффиксами *-ива-* и *-ыва-* (в том числе в составе конфликтов) с учетом лексических, семантических и стилистических особенностей и ограничений.

Литература

- Булгаков Сергей, о. *Философия имени*. М., 2014.
Виноградов В. В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Изд. 3-е. М., 1986.
Гумбольдт В. фон. *Избранные труды по языкознанию*. М., 1984.
Катков М. *Об элементах и формах славяно-русского языка*. М., 1845.
Кузнецов П. С. *Историческая грамматика русского языка. Морфология*. М., 1953.
Ломоносов М. В. *Российская грамматика*. СПб., 1755.
Мейе А. *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*. М.–Л., 1938.
Потебня А. А. *Из записок по русской грамматике*. М., 1977. Т. IV. Вып. II.
Фортунатов Ф. Ф. *Сравнительное языковедение // Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды*. М., 1956. Т. 1. С. 23-199.
Черных П. Я. *Историческая грамматика русского языка*. Изд. 4-е. М., 2010.
Щеглова О. Г. *Историческая грамматика русского языка. Курс лекций*. Новосибирск, 2013.
Schmalstieg W. R. The phoneme /V/ in Slavic Verbal Suffixes // *Word*. 1956. № 12. P. 255-259.

References

- Bulgakov, Sergij o. *Filosofija imeni* [Philosophy of Name]. M., 2014.
Chernyh, P. Ja. *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Izd. 4-e. M., 2010.
Fortunatov, F. F. *Sravnitel'noje jazykovedenije* [Comparative Linguistics]. In Fortunatov F. F. *Izbrannyje trudy*. M., 1956. T. 1. Pp. 23-199.
Gumboldt, V. fon. *Izbrannyje trudy po jazykoznaniju* [Selected Works on Linguistics]. M., 1984.
Katkov, M. *Ob elementah i formah slavjano-russkogo jazyka* [On Elements and Forms of the Slavonic-Russian Language]. M., 1845.
Kuznetsov, P. S. *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka. Morfologija* [Historical Grammar of the Russian Language. Morphology]. M., 1953.
Lomonosov, M. V. *Rossijskaja grammatika* [Russian Grammar]. SPb., 1755.
Meje, A. *Vvedenije v sravnitel'noje izuchenie indojeuropejskih jazykov* [Introduction to Comparative Study of Indo-European Languages]. M.–L., 1938.
Potebnja, A. A. *Iz zapisok po russkoj grammatike* [From Notes on Russian Grammar]. M., 1977. T. IV. Vyp. II.
Scheglova, O. G. *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka. Kurs lekcij* [Historical Grammar of the Russian Language. Course of Lectures]. Novosibirsk, 2013.
Schmalstieg, W. R. The phoneme /V/ in Slavic Verbal Suffixes // *Word*. 1956. № 12. 255-259.
Vinogradov, V. V. *Russkij jazyk. Grammaticheskoe uchenije o slove* [Russian Language. Grammatical Doctrine of the Word]. Izd. 3-e. M., 1986.

Alexander M. Kamchatnov
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Dmitrii G. Demidov
National Chengchi University, Taipei, Taiwan

THE ORIGIN OF THE TWO MODELS OF INFIXAL VERB WORD-FORMATION IN THE HISTORY OF
THE RUSSIAN LANGUAGE: VERBS IN -AT' (-JAT') AND -IVAT', -YVAT'

An assumption of infixation, not suffixal word-formation of verbs in *-ivat'*, *-yvat'*, such as *ulavlivat'*, *sprashivat'*, *vybrasyvat'*, is substantiated in the article, and a hypothesis for the origin of these models of word-formation in the history of the Russian language is proposed.

Keywords: history of Russian language, lexicography, word-formation, derivational relation, aspect, way of verb's action, semantic, infix, suffix, synchrony, diachrony

